

Часть 1

Это был прекрасный день. Воскресенье наконец-то наступило, и погода оказалась идеальной для свиданий.

Сакута смог уйти с работы ровно в два, поэтому у него еще оставалось достаточно времени, так что он решил отправиться домой.

Трехминутная поездка на велосипеде, и он уже дома.

Каэдэ вышла ему навстречу, и он, направляясь в ванную, погладил ее по голове.

По дороге домой Сакута изрядно вспотел, поэтому быстро принял душ и на всякий случай переоделся. В процессе он заметил на себе вопросительный взгляд сестры.

— Мужчины должны быть готовы ко всему, — заявил он, — Ну, я пошел, Каэдэ!

— Ох, ладно. Пока.

Она проводила его взглядом, прижимая к себе Насуно. Было уже двадцать минут третьего. Он направился к станции Фудзисава пешком.

Его шаги были легкими. Он шел нормально, но в душе весело скакал вприпрыжку. Как будто у него были крылья на ногах.

Дороги, по которым он ездил каждый день, ощущались совершенно по-новому. Сакута замечал цветы, украдкой выглядывающие из трещин в тротуаре. И даже слышал едва уловимые воробьиные крики на телефонных линиях.

И ему все это нравилось. В нем жил дух всеобъемлющей любви.

На пике своего воодушевления он услышал плач маленькой девочки. Парень был неподалеку от дома, всего в трех-четырех минутах ходьбы.

Прямо впереди был вход в парк. Малышка стояла перед ним и плакала навзрыд.

— Что случилось? — сказал он, подходя к ней.

Она подняла глаза и на мгновение перестала плакать. Но еще мгновение спустя она снова завывала, — Ты не мама!

— Потерялась?

— Моей мамы нигде нет.

— Понятно, так ты все-таки потерялась.

— Мама потерялась.

— И не поспоришь.

Похоже, эту девочку ждет светлое будущее.

— Ну-ну, не плачь, — сказал он, опускаясь на колени и кладя руку ей на голову, — Я помогу тебе найти маму.

— Правда?

— Да, — юноша кивнул, улыбаясь. Он надеялся, что это заставит ее улыбнуться в ответ, но в ее взгляде читалась только растерянность, — Просто пойдем со мной.

Он взял ее за руку, но прежде чем он успел встать...

— Умри, проклятый педофил! — крикнул кто-то позади него.

Что? Он попытался повернуться и посмотреть, но прежде чем он увидел ее лицо, острая боль пронзила его пятую точку.

Ему показалось, что кончик жесткого ботинка угодил прямо в копчик. Что почти наверняка и произошло...

— Аааай! — взревел он, катаясь по асфальту. Краем глаза он заметил девушку примерно своего возраста. Подросток. Старшеклассница.

Пушистое каре. Короткая юбка. Босые ноги. Ненавязчивый макияж – определенно по последней моде.

— Я выбила тебе шанс! Беги! — настаивала она с предельно серьезным видом.

Малышка только моргнула, глядя на девушку, — Эм? Зачем? — спросила она, полностью растерявшись.

— Это же очевидно! Быстрее!

Это не было очевидным, но она все равно схватила девочку за руку и попыталась оттащить подальше.

— Прежде чем этот педофил поднимется!

— Я тебе не педофил какой-нибудь! — сказал Сакута, с трудом поднимаясь на ноги и хватаясь за свой зад. Было слишком больно, а в ногах совсем не осталось сил. Его ноги дрожали, он походил на новорожденного олененка.

— Но он ведь помогает мне найти маму.

— А? — девушка уставилась на ребенка, а потом на Сакуту, — Ты действительно не педофил?

— Мне нравятся женщины постарше.

— Так ты извращенец?!

Но ее убежденность была подорвана. Теперь, уже когда он смог присмотреться, она оказалась довольно милой. Немного детское личико, большие круглые глаза. Легкий макияж, который она носила, имел приятный, мягкий эффект. Он повидал немало девушек в школе, которые были помешаны на косметике, однако эта девушка, как подумал Сакута, умела ей пользоваться.

— Я только что нашел эту девочку и пытался помочь найти ее потерявшуюся маму.

— Погоди-ка, разве не эта девочка потерялась?

— Мама потерялась, — твердо сказала девочка.

С этими словами она отстранилась от незнакомки и подошла к Сакуте. Она схватила его за рукав. Расклад изменился.

В этот момент девушка вынуждена была признать, что все поняла неправильно. Она неловко улыбнулась.

— Ууух, как же болит моя задница!

— П-п-прости. А-ха-ха.

— Да ты мою задницу на пополам расколола!

— Что? Это звучит по... Подожди-ка, она такой и была!

— Ой, оой, ооой.

— Л-ладно! Х-хорошо! — девушка закричала... а потом обернулась, нагнувшись и упершись руками в телефонный столб, — Ну же!

И с этим вдохновенным криком она подмахнула своей попкой в мини-юбке в сторону Сакуты.

— Ну же, что?

Она явно хотела, чтобы он ударил ее, но пинать школьницу среди бела дня было явно не в его стиле.

— Просто покончим с этим! Меня подружки ждут!

Сакута тоже должен был кое с кем встретиться. Очень важное свидание. И чем больше времени он терял здесь, тем больше шансов было опоздать. К тому же он все еще должен был помочь маленькой девочке – он определенно опоздает, учитывая текущие обстоятельства. Сакута не мог позволить себе тратить время на что-то другое.

Возможно, будет быстрее просто дать ей пинка под зад и поспешить.

— Ладно, ладно.

Он слегка ударил ее. Такого удара бы вполне хватило для нее.

— Сильнее! — крикнула она, оглядываясь через плечо.

— Уверена?

Он пнул ее чуть сильнее. Раздался характерный хлопок.

— Еще сильнее!

Этого все равно было недостаточно.

— Хорошо, но не вини меня потом!

Она не оставила ему выбора.

Настоящие мужчины обязаны исполнять желания женщин.

Сакута опустил центр тяжести и оттянул ногу назад, набирая силу. Затем он зафиксировался на круглой мишени, тщательно прицелился и нанес самый сильный средний удар, на который только был способен.

Звук удара был тревожным.

Мгновение спустя...

— О-оуииии! — она взвизгнула. На диалекте Хаката, — Аауа...

[П/П: Диалект Хаката (ハカタ, ハカチン) используется в городе Фукуока. Его иногда называют Диалектом Фукуоки (フクオカ, フクオカ弁), из-за густонаселенности Фукуоки, а также местных регионов.]

Она со стоном упала на колени. Обе руки нежно сжимали место удара. Боль была такой сильной, что она не могла даже говорить. Она беспомощно хватала воздух ртом, словно рыбка.

— Мой зад напололам раскололся... — наконец выдавила она.

— Не волнуйся! Он такой и был.

— Э-э, что здесь происходит?

Они оба резко обернулись. Человек в полицейской форме смотрел на них с очень растерянным видом.

— Боюсь, я не могу позволить вам наслаждаться странными вещами среди бела дня в общественном парке.

— Странная тут только она! — сказал Сакута, указывая на старшеклассницу.

— Н-нет! Нет же! На это есть веская причина! — в ее голосе звучало отчаяние.

— Вы сможете объяснить эту причину в участке.

Он схватил их обоих за руки. От этого никуда не деться. Полицейские знали, как обращаться с людьми. Этот, может быть, и был стар, но явно оставался достаточно сильным. Безопасность района была в надежных руках.

— Я опаздываю и это очень важно! Пожалуйста, отпустите!

Допрос был бы катастрофой. Даже если каким-то чудом это продлится всего пять или десять минут, Май вряд ли будет ждать так долго. В конце концов, это была Май Сакурадзима.

— Конечно, конечно. Не сопротивляйтесь. Вон туда. Ты тоже, маленькая потерявшаяся девочка. Твоя мама ждет тебя в участке.

— Правда? Ура!

Когда полицейский увел их, Сакута попытался утешить себя тем, что, по крайней мере, проблема с потерянной девочкой была решена.

Но даже эта минутка утешения была немедленно испорчена, когда офицер пробормотал: «Неужели современным детям нравятся такие причуды?»

Полицейский отпустил их через полтора часа после того, как они добрались до полицейского участка. Уходя, Сакута взглянул на часы и с ужасом понял, что они показывают четыре часа. Кто-нибудь может, пожалуйста, изобрести машину времени?

— Фу, вот отстой, — проворчала девушка, выглядя довольно измученной.

— Вообще-то я должен был сказать это, дура.

— Кого ты называл душой? Твоя подозрительность была инициатором всего этого беспорядка!

— Ты все неправильно поняла, так что основная вина на тебе.

— Оправдания - это не круто.

— Я не оправдываюсь, просто говорю правду. И это полностью твоя вина, что лекция длилась так долго, Кога.

Ее плечи дернулись.

— ...Откуда ты знаешь мое имя?!

— Томоэ Кога. Довольно милое имя!

— Хах, тебе и полное имя известно?!

Неужели она забыла представиться полицейскому? Он даже знал школу, в которой она учиться. На самом деле она училась в школе Минагахара, как и Сакута. На год младше его. Формально он был ее сэмпаем.

— Я знаю о тебе все.

— Бред.

— Ты ведь из Фукуоки, верно?

— Как, черт возьми?! — у нее снова появился акцент.

— ...

— Ой! — Томоэ Кога зажала рот обеими руками.

— Ты и раньше говорила со своим акцентом.

— Я-я этого не делала!

Она отказывалась смотреть на него. Похоже, девушка хотела сохранить это в тайне по какой-то причине. Однако уже поздно скрывать это.

— В любом случае, это твоя вина, Кога.

— Скажи мне свое имя! Нечестно, что только ты знаешь мое.

— Ичиро Сато.

Нет причин говорить ей правду, поэтому он начал с очевидной лжи, полагая, что, включив немножечко свои мозги, можно понять, что это фальшивое имя.

— Хорошо, Сато. С чего ты взял, что во всем виновата я? — настаивала Томоэ, принимая псевдоним за чистую монету.

Очевидно, Кога не была склонна к подозрениям. Она может быть действительно милой. Раскрытие того, что это было фальшивое имя, теперь, казалось, могло вызвать проблемы, поэтому Сакута решил, что ему лучше промолчать.

— Если ты не понимаешь, то я с удовольствием объясню. В первые тридцать минут нам удалось убедить офицера в том, что все это было недоразумением, но ты была так одержима своим телефоном, что не отрывала от него глаз и явно не слушала, о чем он говорил.

Весь последний час лекции был посвящен тому, что не стоит сидеть в телефоне, когда люди с тобой разговаривают. У Сакуты его даже не было, так что это казалось совершенно неоправданным.

— Это правда... но тебе не нужно так об этом говорить! — она надулась.

— Неужели ты не раскаиваешься?

— Я хотела сказать, что все время получала сообщения! У меня не было выбора.

— Ну и что? Не обращай на них внимания.

— Если я не отвечу быстро, то сразу потеряю всех своих друзей, — призналась Томоз, опустив голову.

— Вот почему ты так отчаянно пыталась ответить?

— Иначе, даже я бы оставила телефон в покое, пока кто-то делает мне выговор.

Она надула щеки, глядя на него снизу-вверх.

— Ах-ха.

— Что это за отношение? Ты издеваешься, да?

— Нисколько.

— Я знаю, ты думаешь: «Если ты так легко можешь их потерять, то они никогда не были твоими друзьями».

Неужели кто-то говорил ей об этом раньше? Это звучало так, словно она скопировала чьи-то слова.

— Ты и сама так думаешь, — сказал Сакута.

— Заткнись!

Сакута положил руку ей на голову, взъерошив волосы.

— Ай! Тупица! Я потратила на нее уйму времени!

Она стряхнула его руку и поспешно принялась ее поправлять.

— Удачи тебе, девочка.

— Ты смеешься надо мной?

— А ты делаешь все возможное, чтобы угодить псевдодрузьям, подчиняясь этим бесполезным правилам, верно? Так что нет, я не смеюсь над тобой. Я просто считаю, что это глупо.

Будь то электронная почта или СМС, он понятия не имел, кому вообще нужны такие правила или кому выгодно их создание. Может быть, они изначально были созданы для показания внимательности, но прежде, чем кто-то осознал это, они стали некими ограничителями, которые заставляли всех страдать.

Но как только все решили следовать этим правилам, они сразу же устоялись. Несоблюдение правил означало исключение из группы. Потерять друзей теперь проще простого. И как только кто-то покидал группу, пути назад уже не было. Сакута знал это слишком хорошо, ведь именно по этой причине страдала его сестра Каэдэ.

Подобные ограничения утомительны. И все же люди не могут чувствовать себя в безопасности, пока не придумают правила, не обязуют их, не создадут среду, где им самое место. Каждое отправленное письмо или сообщение было способом проверить друг друга. «Как ты?», «Я в порядке». Многим людям трудно заявить о себе, поэтому они ждут признания окружающих. Этот обмен мнениями был общим, синхронизированным. Именно так люди создавали для себя безопасную обстановку.

Средние и старшие классы школы были обществами. Они были целыми, отдельными мирами внутри. И все старательно пытались вписаться в них.

Сакута начал понимать, как устроены эти миры, только когда поступил в старшую школу и получил работу, где проводил много времени, общаясь со студентами колледжа и взрослыми сотрудниками. Он начал понимать, как выглядят школы со стороны. Только тогда он понял, что все просто хотят быть частью этого мира.

— Значит, ты смеешься надо мной.

— Ты кажешься хорошей, Кога, так что проехали.

— Хорошей?

— Нужно иметь мужество, чтобы вмешаться и спасти ребенка от какого-нибудь извращенца. Я уважаю такие поступки. Может, в следующий раз просто позовешь на помощь? Если бы ты столкнулась с настоящим извращенцем, у тебя были бы большие неприятности. Ты очень миленькая.

— Н-не называй меня милой!

Лицо девушки окрасилось в ярко-красные цвета. Кажется, она не привыкла к такого рода комплиментам.

— Храни справедливость в своем сердце и продолжай бороться за доброе дело!

— Да, конечно. Спасибо.

Он не ожидал, что она поблагодарит его за эти слова. Может быть, она действительно была искренним человеком. Или имела ослепительно чистое сердце.

Зазвонил телефон. У Сакуты его не было, так что он определенно принадлежал Томоэ.

— Отстой! Я же обещала, что буду там! Пока!

Томоэ помчалась прочь. На такой скорости и в такой короткой юбке, как у нее, Сакута определенно заметил это зрелище, но крик предупреждения только привлек бы к ней внимание, поэтому он просто молча смотрел, как она уходит.

— Белые, да? — заметил он.

Как только Кога полностью скрылась из виду, Сакута повернулся, чтобы пойти домой.

Он сделал, может быть, три шага, а потом остановился.

Ему казалось, что он забыл что-то важное.

— ...Ах!

В его сознании мелькнуло лицо Май. Естественно, она не слишком приятно улыбалась. Или, если угодно, очаровательно дулась. Это определенно было лицо, которое она сделала в тот единственный раз, когда он действительно разозлил ее.

— Чееерт...

Едва не споткнувшись о собственные ноги, Сакута стремительно помчался к назначенному месту встречи.

Часть 2

Сакута вбежал на станцию Фудзисава. То самое место, через которое каждый день проходила его дорога в школу. Он остановился перед турникетами.

Именно здесь, как сказала Май, они и должны были встретиться.

Пытаясь отдышаться, Сакута пробежался глазами направо и налево. Область перед турникетами шириною в пять-шесть метров. Тщательный осмотр не занял много времени.

— ...

К сожалению, Май нигде не было видно.

— Н-ну конечно... — Май Сакурадзима никогда не станет ждать полтора часа, — Черт... я опять все испортил.

Волна сожаления захлестнула его. Он никак бы не смог проигнорировать потерянную маленькую девочку или предсказать, какой беспорядок учинит школьница, у которой обостренное чувство справедливости заиграло в одном месте. Свой выбор он бы не изменил.

В этот момент он по-настоящему жалел, что у него нет телефона. Он мог бы хотя бы рассказать ей, что случилось. Хотя даже если бы он рассказал, она, наверное, сказала бы: «Значит, это важнее, чем свидание со мной?» и отменила бы их планы, так что...

Ему просто нужно понять, как же заставить ее простить его. Осознав, что тот не придет, Май пришла в ярость и ушла домой, либо же просто захотела побыть в одиночестве. Не так-то просто будет вернуть ее расположение.

Когда он уже совсем упал духом сзади слышались шаги. Они звучали знакомо. Однако в их ритме чувствовалась отчетливая нотка раздражения.

— У тебя хватило наглости заставить меня ждать девяносто восемь минут.

— ...

Он обернулся, не веря своим ушам. Перед ним стояла Май в своей повседневной, уличной одежде.

— Почему ты выглядишь так, будто только что увидел привидение?

— Я никогда не думал, что ты из тех девушек, которые будут ждать парня до последнего! Ты, должно быть, ее двойник!

Ее глаза сузились. Он был уверен, что температура воздуха понизилась на несколько градусов.

— Ах вот какой ты меня представлял.

В основном он считал ее сексуальной. Знала ли она об этом?!

— Ты восприняла это как оскорбление?

— А как бы я иначе это восприняла, дорогой?

По всей видимости, Май собиралась поддеть его словом «дорогой», но для Сакуты это было больше похоже на награду. Правда, скажи он ей об этом, она никогда больше его бы так не назвала, поэтому Азусагава решил держать рот на замке.

— Чего ухмыляешься?

— Ничего.

Он заставил себя выглядеть серьезным. Наконец ему удалось оценить ее наряд. Блузка с длинными рукавами и симпатичный вязаный жилет с капюшоном поверх него. Юбка доходила ей до колен, немного расширяясь на подоле, очень по-взрослому. В то же время ее сапоги доходили чуть ниже колен. Все это было стильно и элегантно, но не слишком вычурно – идеальный баланс. Хорошо подходит для взрослого антуража Май.

— ...

Одежда не оставляла открытых мест на ее теле. Может быть, только немного на коленях.

У него вырвался вздох.

— Это было грубо!

— Май, ты уверена в этом?

— Ч-что? — спросила она, собираясь с духом.

— Наряды для свиданий – это мини-юбки и обнаженные ноги!

— Я тебя ударю, — сказала Май, сжимая кулак.

— ...

— Не смотри так разочарованно!

— Я ведь с нетерпением ждал этого.

— Как дерзко... не забывай, что ты опоздал.

— Ты всегда носишь школьную форму с черными колготками.

— Н-ну, я думала об этом... — пробормотала она, и глаза ее дрогнули.

— И ты выглядишь так очаровательно!

— ...

Май повернулась к нему, призывая продолжить.

— Ты очень милая, Май!

— Уже лучше.

— Мое сердце бьется так быстро, что я хочу забрать тебя к себе домой! Я бы украсил всю квартиру твоими портретами!

— Ладно, теперь ты просто жутко себя ведешь. Прекрати.

— Тогда пойдем отсюда, — Сакута указал на выход.

— Подожди. Мы не закончили.

— А? Что-то еще?

Он надеялся выкрутиться, поэтому прикинулся дурачком.

— Брось притворяться.

— Да я бы никогда не посмел, тем более в твоём присутствии.

— Хочется услышать твоё оправдание. Жду не дождусь твоих искренних извинений.

Май, казалось, наслаждалась этим. На её лице читалась некая оживлённость.

— Если того, что ты скажешь, будет недостаточно – я пойду домой.

Неужели Май ждала целых девятидесяти восьми минут только для того, чтобы поиздеваться над ним? Данная теория начинала звучать довольно убедительно.

— По дороге сюда я нашёл в парке потерявшегося ребёнка.

— Пока.

— Я знаю, похоже на ложь, но это чистая правда!

— Между твоей работой и этим местом нет парков, — подметила она.

— Сначала я пошёл домой.

— Зачем?

— У меня было свободное время, и я решил, что мне лучше принять душ и сменить нижнее бельё, на всякий случай.

— ...Отвратительно.

Она казалась искренне потрясенной.

— Я предположу, что это было неосознанное, бессмысленное поведение парня помладше, так что забудем об этом.

— Спасибо.

— Но не приближайся ко мне ближе, чем на три метра до конца дня.

Это вряд ли можно назвать свиданием. Любой бы предположил, что Сакута попросту преследует ее.

— Давай, заканчивай свою лживую историю.

— Я действительно отвел потерявшегося ребенка в полицейский участок.

— Этот ребенок был девочкой?

— Да.

— И у тебя хватает наглости заставлять меня ждать, пока ты проводишь время с другой девушкой?

— Четырехлетки тоже в счет?!

— Да, — решительно ответила она.

Рассказывать все было слишком рискованно. Если бы он признался, что был с такой симпатичной старшеклассницей, как Томоэ Кога, а она была действительно симпатичной, сложно представить, какое тогда презрение обрушилось бы на него.

— Но полицейский участок вон там.

Май указала на небольшой участок прямо за станцией Фудзисава.

— Став вовлеченным во всю эту историю, мне пришлось ждать до тех пор, пока мы не нашли ее родителей. Она ведь плакала!

— Хм, — Май посмотрела на него с глубоким подозрением, — Ненавижу ложь.

— Какое совпадение! Я тоже.

— Если ты лжешь, я заставлю тебя съесть соломку через нос.

— Одну?

— Всю пачку.

Эта форма пытки казалась вполне осуществимой, и яркие образы, которые она вызывала, определенно не несли ничего приятного.

— Я не думаю, что тебе стоит играть со своей едой.

— Ты же все съешь, так что не вижу никаких проблем.

— ...

— ...

Май подошла ближе, изучая его лицо. Она пыталась надавить на него, чтобы он рассказал ей всю историю. Парень ощущал ее дыхание на своей щеке, от нее очень приятно пахло.

— Ты такой упрямый.

— ...

Теперь он действительно не мог сказать правду. Да и желания кушать соломку через нос у него явно не возникало.

— Ну, хорошо. Раз уж ты не проговорился, то давай начнем свидание.

Должен ли Сакута быть счастлив в этот момент?

— Спасибо, — сказал он с облегчением.

— О! Это же педофил!

Этот голос показался знакомым...

Он посмотрел в сторону коридора, соединяющего станции JR и Одакю, и снова увидел Томоз Когу. С ней были еще три девушки, по-видимому, подруги, с которыми она обещала

встретиться. Они были милой компанией и казались довольно близкими. Наверное, самые популярные девочки в своем классе.

— Девушка Хаката! — сказал Сакута.

Томоэ поспешно подбежала к нему и зажала ему рот ладонями.

— Не называй меня так! — прошипела она.

— Девушка Хаката? — эхом отозвалась одна из ее подруг, сбитая с толку.

— Ну, вы знаете, знаменитый сувенир из Фукуоки! Тот самый, где в баумкухен кладут пасту из красной фасоли. На нем изображена женщина, кажется, все же она должна называться как-то по-другому.

— О, я пробовала его! Вкусно!

— Эй, Томоэ! — другая подруга схватила ее за руку и оттащила от Сакуты.

— Ч-что?

— Это парень, попавший в госпиталь после того инцидента, — прошептала подруга. Однако Сакута прекрасно ее слышал.

— А? Но это же Ичиро Сато? — растерянno сказала Томоэ.

— Что? С чего ты взяла? И эта девушка... ну, ты знаешь.

Все четверо посмотрели на Май. Очевидно, они все могли видеть ее.

— Ну же, пошли.

Друзья вывели ее за турникеты. Вскоре компания скрылась из виду.

Глядя им вслед, Сакута понял, что совершил ужасную ошибку. Ему вообще не следовало реагировать на голос Томоэ. Ему следовало бы притвориться, что он ее не знает. Это было бы лучшим исходом.

Он взглянул на Май. Ее лицо было пугающе бесстрастным.

— Сакута.

— Ты не так все поняла.

— Ее зовут Томоэ?

— Д-думаю, да.

— Не волнуйся, я никуда не уйду, — она обняла его за плечи, — Пойдем купим какой-нибудь вкусной соломки!

— Может ты возьмешь соломки потоньше?

— Не-а.

Он уже давно не наслаждался озорством в ее голосе или тем, что чувствовал, прижимаясь к ее руке.

— Смилуешься?

— Ни за что, педофил.

Итак, первое свидание Сакуты и Май началось с посещения ближайшего круглосуточного магазина.

Часть 3

Раздался щелчок и палочка соломки сломалась.

Сакута и Май ехали на Энодэнском поезде. Они сидели плечо к плечу, любуясь океаном со своих сидений.

Раздался еще один щелчок. Май поела соломку за соломкой. Вид ее приоткрытых губ был ужасно милым, и Сакута никак не мог наглядеться этим зрелищем. Май делала это неосознанно, но то, как она нежно покусывала кончик, прежде чем откусить – это было завораживающе.

Однако он не мог полностью посвятить себя этому невероятному зрелищу. Неизвестно, когда она попытается засунуть палочку ему в нос – нужно было оставаться настороже.

Момент настал даже быстрее, чем он предполагал.

Май протянула ему одну палочку.

— Держи, — сказала она.

— Я уже наелся!

— Мне нужно следить за своим весом. Остальное съешь сам.

— И как же мне их съесть?

— Можешь скушать их по нормальному, — вздохнула она, искоса взглянув на него.

— Тогда спасибо.

Он взял у нее пачку.

— Ты же не думал, что я действительно заставлю тебя есть их через нос?

— Мне показалось, что ты говорила вполне серьезно.

— Это называется актерским мастерством.

— Конечно, я впечатлен!

— Ты мог бы попробовать съесть одну таким образом.

— Да ты демон!

— Я все еще не услышала твоего раскаяния, кажется я передумала.

— Прости! Я просто пошутил! Май Сакурадзима, ты - прекрасна! Пожалуйста, прояви милосердие!

— Звучит не очень убедительно.

Май со скучающим видом отвернулась к окну. Они были всего в трех остановках от станции Фудзисава, даже до океана еще не добрались. Почти в том месте, где поезд проходил между

рядами домов.

В этот поздний час в поезде было мало людей, множество сидячих мест попросту были свободны. Они наблюдали за реакцией пассажиров поблизости, но никто из них, казалось, не замечает Май – вероятно, они ее не видели.

— Эй.

— Хочешь, чтобы я упал на колени?

— Нет. Хочу знать, почему ты так заботишься обо мне? Признайся. Можешь считать это своим наказанием.

— С чего ты это взяла?

— Из-за того дискомфорта, что я причиняю, большинство людей уже давно бы прекратили такие отношения.

— Какой открытый самоанализ.

— Не похоже, чтобы окружающие меня люди пытались это скрыть.

Май никогда не вписывалась ни в свой класс, ни в школу. Ее просто считали частью «атмосферы», и никто добровольно с ней не общался.

— Именно из-за этой своенравности ты и не можешь завести друзей, Май.

— Кто бы говорил.

Сакута проигнорировал ее язвительный комментарий. Он прекрасно понимал сказанное. Юма и Рио все время говорили ему о том же.

— Однако ты совершенно бесстыден, Сакута.

— Я?

— Ты вроде как единственный, кто не боится говорить со мной.

— Иногда ты нервируешь. Такое действительно отпугивает людей.

Одна только ее красота мешала завязать с ней разговор, а статус знаменитости только усугублял ситуацию.

— Не начинай, — сказала она.

— Тебе нравится в школе?

— Если ты имеешь в виду: «Несмотря на полное отсутствие друзей», то так было с начальной школы, так что ничего не изменилось. Я никогда не думала о школе как о месте, которое может «нравиться».

Похоже она не пыталась как-то это скрыть или избежать ответа, она высказала свое настоящее мнение на этот счет. У нее не было твердого намерения не вписываться в школу. Разница между ней и теми, кто ее окружал, не казалась ей странной. Она уже давно отказалась от таких мыслей, и Сакуте казалось, что Май достигла своего рода просветления в школьной жизни.

— Кстати, ты уходишь от темы, — сказала она, искоса взглянув на него, — Я первой задала вопрос. А ты еще на него не ответил!

— Какой вопрос?

— Почему ты так упорно хочешь мне помочь? Ты даже дал той репортерше информацию, которая может вызвать огромные неприятности для твоей семьи. У тебя должна быть какая-то причина, почему ты так далеко зашел.

Теперь она была еще более настойчива.

— Я просто не могу игнорировать человека, попавшего в беду.

— Я на полном серьезе спрашиваю.

— Уф.

— Ты хороший, но не по-настоящему.

— Разве?

— Ты не ко всем хорошо относишься. Когда та парочка из колледжа попыталась сфотографировать меня на станции Шичиригахана, ты просто вышел из себя.

— Я думаю, что любой поступил бы так же.

— Я хочу сказать, что ты выбрал не очень хороший способ их наказать. Вместо этого ты мог бы намекнуть им, что так поступать некрасиво.

— Несмотря на то, что я был в бешенстве?

— Мог бы, если бы захотел. Ты был достаточно хладнокровен, чтобы выбрать правильный способ пристыдить таких людей.

— Чем больше ты говоришь, тем хуже я кажусь себе со стороны...

— Ты думал, что являешься хорошим человеком? — удивленно переспросила Май.

— Во всяком случае, ты-то уж точно хуже меня.

— Неважно. Просто скажи хоть одну причину.

Она не позволит ему выкрутиться. И никогда не позволяла.

— Тогда я дам серьезный ответ. Лучше выслушай до конца.

— Продолжай.

— Я подумал, что это шанс произвести впечатление на красотку...

— Я не просила тебя признаваться в грубой, неприукрашенной правде.

— Но ты ведь потребовала серьезного ответа!

— Мне нужно знать настоящую причину.

Кто угодно мог бы предположить, что Май и правда решила выяснить, что он на самом деле чувствует. Иногда Сакута действительно не понимал ее.

— Я знаю, насколько это мучительно, когда неоткуда ждать помощи, — равнодушно ответил парень.

— ...

На этот раз она не перебила его. Должно быть, он убедил ее.

— Когда у Каэдэ случился «Подростковый синдром», никто бы не поверил, даже если бы это случилось прямо у них на глазах, — Сакута откусил кусочек от соломинки. Посчитав, что Май поругает его за плохие манеры, реши он заговорить с набитым ртом, он прожевал, прежде чем продолжить, — Нас никто не стал слушать. Все просто отстранились. Мы говорили правду, но они называли нас лжецами.

И он их не винил. Это была естественная реакция. Если бы это была не его собственная сестра, Сакута тоже никогда бы в это не поверил. Он бы закрыл глаза и уши, притворившись, что ничего не видел и не слышал.

Это было бы намного проще. Все знали насколько.

— Могу я спросить одну вещь? — произнесла Май с некоторой неуверенностью в голосе.

Парень кивнул, предчувствуя, что же произойдет дальше.

— А твои родители? — осторожно спросила девушка.

У Май были проблемы с собственной матерью, так что ей, должно быть, стоило большого труда рискнуть и спросить о чем-то столь назойливом. Он посчитал чем-то хорошим ее способность поставить себя на его место. Может, она и изображала из себя королеву, но вполне понимала чувства обычных людей.

— Они не живут с нами.

— Я знаю. Я была в твоей квартире, — конечно, увидев то место, это было легко понять. В нем не было и намека на взрослых. Только туфли Сакуты стояли у двери, а атмосфера в коридоре и его спальне была такой же. Обычно жилища людей ощущались по-другому, даже если они были семьей, — Я имела в виду, как...

— Я знаю, — он с самого начала знал, что она имела в виду. Как они справились с ситуацией Каэдэ? Он съел сразу три соломинки. Теперь пачка была пуста. Он скомкал ее и сунул в карман, — Мама, ну... она пыталась принять это. В конце концов вся эта ситуация стала для нее невыносимой, и она слегла... В общем, она все еще в больнице. Над ее дочерью серьезно издевались, а тут еще и этот безумный «Подростковый синдром». Папа сейчас присматривает за ней.

Сакута все еще не понимал, как с этим можно справиться. Еще до того, как он что-либо сделал, все вокруг него изменилось, и, не успев он опомниться, все стало таким, как сейчас.

Осталось только то, что осталось.

Тогда он ничего не смог поделать, и теперь уже не было никаких вариантов.

— Каэдэ еле смогла справиться с тем, что мама отказалась от нее, ситуацию усложнял и тот факт, что причина была именно в ней... теперь она не подпускает к себе никого, кроме меня.

— Напомни, сколько ей лет?

— На два года младше меня. Сейчас она должна быть на третьем году в средней школе. С тех пор как все пошло прахом, она стала домоседкой и вообще не ходила в школу.

В действительности она просто не могла выйти из дома. Как только Каэдэ надевала туфли и вставала перед дверью, ее ноги сразу же отказывались идти. Затем она начинала плакать, будто младенец, закатывающий истерику.

Раз в месяц к ней приходил психолог, но пока никаких признаков улучшения не было.

— Твоя мама... ты ее ненавидишь?

— Ненавидел, — признался Сакута, — Я думал, что это ее обязанность - помогать нам, верить Каэдэ и мне.

Но жизнь вдаль от нее открыла ему глаза на некоторые вещи. То, сколько работы она ежедневно делала по дому. Готовка еды, стирка, уборка ванной и туалета, решение всевозможных причастных проблем. Ведь, когда они жили все вместе, Сакута считал это само собой разумеющимся.

Как только ему пришлось делать все самому, он стал замечать некоторые вещи, которые менялись. В частности, теперь он писал куда более аккуратно.

Сакута точно знал, что его мать со многим мирилась. Конечно, были вещи, в которых, как она хотела бы, остальные члены семьи тоже участвовали. Однако она ни разу не произнесла ни единой жалобы в присутствии Сакуты. Она никак не показывала это на своем лице, ни разу не потребовала, чтобы кто-нибудь поблагодарил ее за это.

И он начал чувствовать, что не имеет права обижаться на нее, учитывая все, за что он должен быть благодарен. За последний год эти чувства только усилились.

То же самое относилось и к его отцу. Они с ним встречались раз в месяц, чтобы узнать, как идут дела друг у друга. Его отец присматривал за мамой, а также давал достаточно денег, чтобы Сакута и Каэдэ могли жить самостоятельно. Неважно, сколько смен Сакута проводил в ресторане, он никогда не зарабатывал достаточно денег, чтобы оплатить аренду их нынешней квартиры. Сакута вынужден был признать, что он просто не в состоянии поддерживать свою нынешнюю повседневную жизнь самостоятельно.

— Из всей этой ситуации с Каэдэ я понял, что я всего лишь ребенок, и то, что ты взрослый, не означает, что ты можешь решить все проблемы. Довольно очевидно, я знаю.

— Ух ты... какая проницательность.

— Ты точно думаешь, что я идиот.

— Не совсем. Большинство наших одноклассников до сих пор этого не поняли.

— У них просто не было такой возможности. Все осознают это, когда придется взглянуть фактам в лицо.

— Так к чему мы все это клоним? — спросила Май, глядя в окна. Скоро в поле зрения появится океан.

Парень вспомнил ее первоначальный вопрос.

Почему он так хотел ей помочь?

Так и начался этот разговор.

— Был один человек, поверивший в случившееся с Каэдэ - в «Подростковый синдром»

Сакута был уверен, если бы не этот человек, ему бы никогда не удалось преодолеть это все.

Жизнь преподавала ему несколько суровых уроков.

Одиночество - не самое худшее, что есть на свете.

Когда нет никого, кто поможет в трудную минуту, вот что по-настоящему ужасно.

Такова была правда, которую в глубине души знали все. И глубоко укоренившийся страх этого привел к таким правилам, как: «отвечайте на сообщения как можно быстрее» или «никогда не оставляйте сообщение неп прочитанным». Не осознавая своих действий, люди не заметили, как все это превратилось в петли на их шеях, а затем и вовсе привело к тому, что их постоянно подвергали остракизму.

— Однако я нашел того, кто мне поверил.

Мысли о ней отзывались болью. Сакута поймал себя на том, что кусает губы каждый раз, когда

вспоминает ее имя.

— Какая-то девушка? — поинтересовалась Май.

— А? — Сакута дернулся. Она была права.

Холодный взгляд Май совершенно выбил его из колеи.

— Я поняла это по твоему лицу, — с недовольством на лице ответила девушка.

Поезд остановился на станции, где располагалась средняя школа Камакура. Следующей остановкой была Шичиригахана, где они обычно выходили.

Как только двери открылись, Май встала.

— Пойдем, — повелительным тоном сказала Сакурадзима.

Целью их свидания была последняя остановка на линии. Им предстояло ехать еще пятнадцать минут.

— А как же Камакура? — спросил Азусагава.

Май уже сошла с поезда.

— Эй, подожди, — он поспешил за ней.

Через секунду двери закрылись, и поезд медленно тронулся. Они смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом Май перевела взгляд на берег.

Эта станция была построена прямо на набережной. Технически, на холме около нее. Ничто не загромождало обзор. Можно было просто стоять на платформе в ожидании поезда и любоваться отличным видом.

Кажется, это место частенько мелькало в фильмах. Сакута был почти уверен, что здесь действительно что-то снимали – он определенно видел съемочные группы на пляже.

— Поскольку ты опоздал на девяносто восемь минут, то уже вечер, — объяснила Май.

Солнце висело низко над Эносимой, и небо становилось красным.

— Давай прогуляемся.

Она указала в сторону воды и ушла со станции, не дожидаясь ответа.

Сакута рассмеялся, и радостно последовал за ней.

За пределами станции Сакута и Май, казалось, целую вечность ждали светофора, чтобы пересечь шоссе номер 134. По ту сторону находилась лестница с двадцатью ступеньками, ведущая на пляж Шичиригахана.

Оставив Эносиму позади, они направились в сторону Камакуры.

Ноги увязали в песке, мешая им идти.

— А ты знаешь, что, несмотря на свое название, Шичиригахана даже не приближается к семи ри в длину?

[П/П: Шичиригахана – «Пляж Семи Ри», где ри – старая японская единица измерения, эквивалентная 3,9 км. Соответственно длина Шичиригаханы должна быть около 27 км, но по факту ее длина чуть больше одной десятой этой длины.]

— Один ри примерно равен четырем километрам, а этот пляж – даже не три.

Кто-то умел очень хорошо преувеличивать.

— Как скучно, — сказала Май. Возможно она хотела рассказать ему об этом первой.

— Пляж Кудзюкури в Чибэ тоже не девяносто девять ри.

[П/П: В слове 九十九(Пляж Кудзюкури) – 九十九 обозначает 99.]

— Ты знаешь много бесполезных фактов, — заметила она со скучающим видом.

— Ты подняла эту тему!

— Так какой же она была?

— Мм? — Сакута притворился, что не понимает.

— Сумасшедшая девушка, поверившая в твою чушь.

— Ты ревнуешь?

— Как ее зовут?

— Ревнуешь все-таки.

— Просто скажи!

Продолжи он дразнить ее, Сакута бы определенно вывел ее из себя.

— Ее звали Секо Макинохара, — сказал Сакута, наслаждаясь шумом прибоя, — Ростом метр шестьдесят сантиметров – меньше тебя по всем параметрам. Сколько она весила – я не знаю.

— Если ты все понял, я бы хотела знать, почему.

— Она внимательно меня выслушала и не изменила своего отношения на мой счет и, казалось, не жалела меня.

— Хм.

Эти расспросы начала именно Май, но теперь эта тема ей казалась безразличной.

— Еще одной отличительной чертой была ее униформа нашей школы.

— ...

Только тогда она посмотрела на него.

— Ты поступил сюда, чтобы найти ее?

— После всего того, что случилось с Каэдэ, оставаться на прошлом месте жительства стало слишком тяжело – это был решающий фактор. Мы хотели уехать еще дальше, но информация распространяется в интернете независимо от того, где ты находишься, поэтому мы решили, что расстояние на самом деле не имеет значения. Но... причина, по которой я выбрал эту школу... В общем, все, как ты и сказала.

С таким же успехом он мог бы просто признать это сразу. После того, как он все рассказал, скрывать это не имело никакого смысла.

— Но она отвергла тебя, — сказала Май, явно наслаждаясь его несчастьем.

— Ну, исход – да, однако... мне так и не довелось ей признаться.

— Несмотря на то, что ты поступил в ту же школу?

Она смотрела с обвиняющим взглядом, будто бы говоря: «Тогда какой был смысл поступать в эту школу?».

— Ее здесь не было.

Сакута подобрал с берега камень и швырнул его в океан. Он чувствовал, словно это было то же самое место, где он избавился от своего телефона.

— Она закончила школу?

— Я был третьегодкой средней школы, когда мы познакомились. Она сказала, что учится на втором году в старшей школе, так что я сомневаюсь, что это так.

— Значит, она перевелась?

— Если бы.

— Значит, произошло еще что-то?

— Я обошел все классы третьего курса, расспрашивая о ней всех подряд.

— И что же?

Сакута покачал головой.

— Никто и никогда не слышал о девушке по имени Секо Макинохара.

— ...

Май, казалось, не знала, как к этому отнестись.

— Я проверил всех учеников в школе, подумал, не оставили ли ее на второй год... даже просмотрел выпускные альбомы за последние три года.

Он так и не нашел никаких следов ее существования.

Не было никаких записей о том, что Секо Макинохара когда-либо посещала школу Минагахара.

— Я даже не понимаю, что все это значит. Знаю наверняка только то, что я действительно встретил кого-то с именем Секо Макинохара, и она была рядом, когда я нуждался в ней.

— Понятно.

— И поскольку я не могу отплатить ей за это... может быть, вместо этого я попытаюсь помочь тебе, — сама по себе тревожность никогда не пройдет. Просто иметь кого-то рядом может быть вполне достаточно, чтобы помочь тебе преодолеть все преграды. Так было с Сакутой два года назад, — Кое-что меня также беспокоит.

— Что именно?

— Отчего возникает «Подростковый синдром»? Если бы я мог избавиться от него...

Его рука скользнула к груди.

— Тебя беспокоят шрамы?

— Немного.

Приближалось лето, занятия плаванием обещали в таком случае быть отстойными. Если и существовал какой-либо способ, то Сакута непременно хотел бы о нем узнать.

— И если мы сумеем понять, как он устроен, тогда, вероятно, я смогу помочь Каэдэ.

— Верно.

Будет большой потерей, если она так и не сможет никогда выйти из своего дома, проведя остаток своей жизни за чтением книжек и играми с кошкой.

Сакута и сам хотел бы однажды привести на этот пляж Каэдэ. Но чтобы воплотить это желание в реальность ему для начала нужно понять, что из себя представляет «Подростковый синдром», а затем применить полученные знания к ее случаю.

Не нужно было слов, достаточно взглянуть на ее улыбку, как стало ясно, что она все поняла.

Сакута поднял очередной камень и бросил его в воду. Тот очертил дугу в воздухе и плюхнулся с характерным хлопком.

— Эй.

— ...

Сакута молча ждал ее следующего вопроса.

— Твои чувства... Ты все еще любишь ее?

— ...

Он не мог дать внятного ответа на этот вопрос. Все что он смог, так это выдавить свою улыбку.

— Ты любишь Секо Макинохару? — переспросила Май.

Сакута вновь прокрутил ее слова в своей голове.

Любил ли он ее по-прежнему?

Быть может он все время избегал этого вопроса.

Любил ли он Секо Макинохару?

В былые дни одна только мысль о ней вызывала жуткую боль в груди. Зациклился он на ней, и напряжение внутри него не даст ему заснуть.

С того момента прошел целый год. Теперь все было иначе.

Возможно, он нашел ответ на этот вопрос еще очень давно, но боялся передать свои чувства словами. Похоже, что сейчас было самое подходящее время высказать все, что было на душе.

— Я действительно любил ее.

Смотря на океан, он все же произнес то, что чувствовал на самом деле. Ощущение было, словно тяжелый груз свалился с его плеч.

Без какой-либо причины время превратило его чувства в воспоминания. Шрам,

образовавшийся на его разбитом сердце, затянулся прежде, чем он успел понять это. Так и жили люди, продолжая двигаться дальше.

— Если собрался с духом высказать все, то стоит говорить громче.

— Скажи я тебе все, до конца жизни дразнить меня будешь.

— Я помогу тебе заснять твою пламенную речь, — предложила Май, поднимая телефон, — Давай же! Повтори еще разок!

Кажется, ему послышались нотки резкости в ее голосе.

— Ты что, обезумела?

— А? С чего бы?

Она явно была недовольна, собственно, это было очевидно, да настолько, что он телом ощущал ее острый, подобно первоклассной катане, взгляд.

— Именно поэтому я и спрашиваю...

— Какая бы девушка осталась довольной, признайся ты на свидании в любви совершенно другой девушке.

— Я использовал прошедшее время! Важное замечание!

— Пфф.

Не похоже, что это убедило Май. Скорее всего понадобится некоторое время, чтобы она успокоилась. Пока Сакута обдумывал, что же ему делать дальше...

— Океан! — раздался радостный голосок.

Они посмотрели вверх и увидели парочку, стоящую на лестнице, ведущей к пляжу.

У парня были кудрявые волосы и большая пара наушников на шее.

Девушка была меньше ростом и на ней были очки. Немного надувшись, она смотрела на своего парня, когда тот побежал прямо к воде. Ее ноги увязали в песке, не позволяя нормально передвигаться.

По виду они были на несколько лет старше чем Май и Сакута. Должно быть, студенты из колледжа.

Увидев, что ей тяжело ходить, парень сразу же побежал обратно к ней.

— Н-нет, не смей! — она взвизгнула, — парень поднял ее и понес прямо к воде, — Не могу поверить! — пожаловалась девушка. Он опустил ее обратно на землю. Девушка вся покраснелась, она явно ощущала пристальный взгляд Сакуты, — Как нагло!

В то время, как девушка ворчала, ее парень стоял по колено в воде и кричал: «Юхууу! Волны!», вовсе не обращая на нее внимания. Странноватая парочка.

— Холодно! Я ухожу, — сказала девушка, оборачиваясь. Не успела она сделать и шага как парень остановил ее своим объятием.

Сакута издал удивленное «Вау».

К счастью, парочка была слишком увлечена флиртом, чтобы услышать его.

— Ты такая теплая!

— ...

Похоже девушка ругалась себе под нос, тем не менее она не пыталась стряхнуть его с себя. То, как она уткнулась лицом в его руки, выглядело очень мило.

Сакута взглянул на Май.

— Мне не холодно, — сказала она, растаптывая его надежды.

— Оу, а мне таааак холодно, — попытался Сакута, уставившись на воду. Май одарила его презрительным взглядом.

Парочка из колледжа шла вдоль прибоя, держась за руки.

Как в фильмах.

— Они хорошо смотрятся, — сказал он.

— Да.

— Да?

— Н-неважно.

Неужели Май проболталась? Кажется, она поспешно заметала за собой следы.

— Я мог бы взять тебя за руку.

— Почему это звучит так, будто ты делаешь мне одолжение? — спросила Май.

Но когда он протянул руку, она взяла ее. Но не для того, чтобы держаться за руки.

Когда Май убрала свою руку, в его ладонях остался телефон в чехле с красными заячьими ушками

— Это мне?

— Нет.

— А зачем тогда...

Взгляд скользнул по экрану телефона, и он заметил кое-что. Было открыто сообщение.

Сакута поднял глаза, чтобы посмотреть, можно ли ему прочитать содержимое, и Май кивнула, выглядя несколько напряженной.

«Приходите на пляж Шичиригахана в 5 часов вечера 25 Мая (Воскресенье)».

Это же сегодня. Оставалось всего пять минут до встречи.

Он не знал, для чего Май показала ему сообщение.

Пока не увидел, кому оно адресовано.

Ее менеджер.

Май написала это письмо своей матери. И на экране было видно, что она уже отправила его. Отправила в тот день, когда они договорились об этом свидании. В тот день, когда Май объявила, что возвращается на работу. Сразу после того, как они разошлись.

Было уже почти пять.

— Ты и вправду собираешься встретиться с ней? — спросил он, возвращая телефон.

— Не особо то и хочется.

— Тогда не стоит заставлять себя.

Он знал, что она не общалась с матерью с тех пор, как они поссорились из-за фотоальбома, который она выпустила на третьем году обучения средней школы. Она уже решила найти новое руководство, так что теперь не было никакой необходимости встречаться с матерью лично.

— Тебе мешает какой-нибудь контракт?

— Я расторгла контракт с ее агентством, когда ушла в отпуск. Не беспокойся.

Это означало, что встреча, должно быть, происходит по личным причинам. Таким образом, она хотела все уладить.

Май с несчастным видом уставилась на прибор. Она приняла решение, но, очевидно, все еще не хотела этого делать.

— Я большой сторонник того, чтобы не делать того, чего ты не хочешь, — сказал Сакута, будто размышлял вслух.

— А есть продолжение?

— Это как бы идет рука об руку с «Если тебе нужно что-то сделать, то иди и сделай это».

Сакута протянул руки к воде.

Некоторых вещей лучше избегать.

Некоторых не стоит.

Одно из двух.

Если можно избежать чего-то, то и делать это не имеет никакого смысла. Но в мире есть также вещи, которые нельзя игнорировать, избегая их, ты не продвинешься ни на шаг.

И в этом случае Май, похоже, думала, что разговор с матерью был последним.

— Ты в порядке? — спросил Сакута, решив, что лучше говорить прямо.

— Я сама этого захотела, и... она уже здесь.

С Эносимского конца пляжа приближалась чья-то фигура.

— Как всегда, пунктуальна.

Она все еще была далеко, так что Сакута не смог бы ее опознать. Но Май была уверена – в конце концов, они были семьей.

— Уходи, — настаивала Май, махая рукой, словно прогоняя бродячую собаку.

— Я собирался познакомиться!

— ...

Пристальный взгляд Май заставил парня вскинуть руки.

— Мы продолжим наше свидание, когда я закончу. А до тех пор будь терпелив и жди меня тут.

— Понял.

Он отошел от воды и сел на кусок коряги.

Фигура приблизилась. Теперь Сакута ясно видел ее.

Она была красавицей, прямо как Май. Хотя правильнее будет сказать, что Май была похожа на мать...

Стройная, высокая, она все еще казалась довольно молодой – по крайней мере, не настолько, чтобы иметь дочь возраста Май. Увидев ее, Сакута вспомнил, как однажды подслушал сплетни одноклассницы о том, что ей было всего двадцать, когда она родила Май.

Если это правда, то ей за тридцать. Для Сакуты она казалась староватой, но на мать она явно не смахивала. Светлый костюм только усиливал это впечатление.

Май стояла неподвижно, наблюдая за приближением матери. Теперь их разделяло всего несколько шагов.

Сакута увидел, как Май что-то сказала. Какое-то приветствие. Ветер и шум волн заглушил ее слова. С такого расстояния он не мог ничего расслышать.

Ее мама немного замедлила шаг, но не остановилась. Она никак не отреагировала на слова Май.

Май снова заговорила, наклонившись вперед с отчаянным видом.

— ...

Именно тогда Сакута понял, что что-то не так.

Мать рыскала глазами. Она смотрела направо и налево, как будто искала человека, с которым должна была встретиться.

Стоя прямо перед Май, она ни разу не посмотрела в ее сторону

— ...Дерьмо, — пробормотал он, чувствуя, как сжимается его грудь. «Пожалуйста, только не это!» — закричал он про себя.

Мать, попросту игнорируя свою дочь, прошла мимо.

Как будто она вообще не видела Май.

Как будто она вовсе не слышала голоса родной дочери.

Просто прошла мимо нее.

Сакута уже знал, что происходит. Холодок пробежал по его спине.

Он смотрел с ужасом, страх полностью овладел им.

Май снова встала перед мамой, размахивая руками и умоляя:

— Разве ты не видишь меня?

Так громко, что даже Сакута слышал ее голос.

Мать вновь прошла мимо. Позади нее можно было видеть, как Май опускает руки.

Сакута вскочил на ноги и направился прямо к ним.

Когда он приблизился на десяток метров, она увидела его.

Будучи в пяти метрах от нее, она уже казалась уверенной.

— Это был ты? — спросила она, выглядя раздраженной. Это напомнило ему Май, застав его врасплох, — Зачем ты позвал меня в такое место? Кто ты такой? Ты похож на старшеклассника, но я не думаю, что мы встречались.

Вопросы просто продолжались.

— Я Сакута Азусагава. Да, я учусь в старшей школе. Вот в этой, — Он махнул рукой в сторону старшей школы Минагахара, вверх по шоссе 134.

— Ну, и что тебе от меня нужно, Сакута Азусагава? Знаешь ли, я очень занятая женщина.

— Мне от вас ничего не нужно.

Он заметил, как Май смотрит на мать.

Девушка на мгновение заколебалась, но потом медленно кивнула. Он чувствовал, что она знала, что это может случиться, и взяла с собой Сакуту, чтобы подготовиться к худшему. Используя «свидание» как приманку.

— Тогда кому нужно?

Он посчитал этот вопрос достаточно странным.

— Май. Вы ведь это уже знаете, верно?

Она была здесь только потому, что прочитала сообщение. Этот факт не должен был измениться, даже если бы она не могла видеть Май.

— ...

Она осмотрела его, словно оценивала.

— Кто позвал меня сюда? Скажи это еще раз.

— Май.

— Точно?

— Да.

Ветер подхватил ее волосы, и она откинула их назад.

— А кто это? — спросила она.

— ?!. — Май широко раскрыла глаза. Шок и ужас боролись за господство в них. Что за мать будет так говорить?

— Она же ваша дочь! — закричал Сакута, позволяя эмоциям взять над собой верх.

Может, они и не разговаривали, но мама так себя не вела.

— У меня нет дочери. Думаешь, это смешно?

— Разве?!

Чем больше Сакута нервничал, тем хладнокровнее она становилось.

— Зачем же ты меня позвал? Ты хочешь, чтобы я курировала тебя в агентстве или что-то в этом роде?

— Конечно, нет! Что вы?..

Их глаза встретились, и слова замерли на его губах. В них была какая-то жалость. И, наконец, он понял, что она сказала: «Кто это?» — потому что она действительно понятия не имела, кто такая Май Сакурадзима.

Глаза этой женщины доказывали, что она не лжет.

— Точно, электронная почта! Вы получили сообщение от Май, в котором говорилось, что она

встретит вас здесь?

— Если я покажу его, это положит конец твоему фарсу?

Она вытащила из сумочки телефон и протянула ему, чтобы он увидел.

— ...Почему? — удивилась Май, наклонившись, чтобы посмотреть.

Естественно, мама ее не видела и не слышала.

Текст письма был точно таким же, как тот, что Май показывала ему несколько минут назад.

«Приходите на пляж Шичиригахана в 5 часов вечера 25 Мая (Воскресенье)».

А в поле отправителя значилось: «Май». Как и должно быть.

Однако ее мать сказала:

— Отправитель мне неизвестен. И все же, я выделила время, учитывая мой забитый график. Не могу понять, почему.

Сакута был совершенно сбит с толку. Там явно было написано «Май», но, похоже, ее мать даже не могла разглядеть ее имя.

Из того, что она только что сказала, было ясно, что когда она получила письмо три дня назад, то прекрасно знала, что оно от ее дочери. Вот почему она нашла время приехать сюда.

Но еще до того дня, о котором шла речь, она совершенно забыла про Май. Дело было не в том, что она не видела и не слышала ее – она вообще не помнила свою дочь.

В такое трудно было поверить, но это было единственным объяснением ее поведения.

— Как такое вообще возможно?! — слова вылетали сами по себе. В его голосе слышался глухой скрежет, который даже для его ушей звучал ужасно, — Я не могу просто принять это! — он обрушил весь свой словесный поток на маму Май.

— Конечно, интересный способ продемонстрировать себя, но слишком безумный для меня. Узнай что-нибудь про мир шоу-бизнеса, прежде чем попытаешься снова.

С этими словами она повернулась на каблуках и пошла обратно тем же путем, которым

пришла.

— Вы же ее мать!

— ...

Она даже не оглянулась. Ее походка ни разу не дрогнула.

— Как вы могли забыть свою собственную дочь?

— ...Достаточно, — тихо сказала Май.

— Но она!..

— Хватит.

— Мы еще не закончили! — кричал Сакута, не в силах остановиться.

— ...Пожалуйста. Не надо больше, — взмолилась Май, ее голос звучал так, будто она вот-вот заплачет.

По его телу пробежала дрожь. До Сакуты дошло, что он только усугубляет ее положение.

— Прости, — сказал он.

— ...

— Мне очень жаль.

— ...Все нормально.

— ...

Что, черт возьми, происходит с Май?

Все это время Сакута думал, что ее только не видят и не слышат. Так он и предполагал, и Май, скорее всего, тоже.

Но теперь казалось, что они были в корне неправы.

Ни один из них не понимал всей картины.

Мама не только не видела ее и не слышала ее голоса... она совершенно забыла о существовании Май.

— ...

Чем больше он думал об этом, тем хуже ему становилось.

— Сакута, — произнесла Май, и глаза ее тревожно дрогнули.

Он знал, что она беспокоится о том же самом.

Возможно, ее мать была не единственной. Все остальные, вероятно, тоже забыли о ней.

Когда это началось? Может быть, в тот момент, когда они перестали ее видеть. А может и нет.

Если она действительно исчезает из памяти людей...

Увы, им не потребовалось бы много времени, чтобы подтвердить, что именно это и происходило.

Часть 4

Сакута и Май прошли пешком остальную часть пляжа до станции, которую пересекали по пути в школу. Ни один из них не произнес ничего вслух, они просто шли своим привычным маршрутом домой

По пути Сакута беседовал с туристами средних лет, местными детьми, бабушками и дедушками, расспрашивая их о Май Сакурадзуме. Парень задавал один и тот же вопрос дюжину раз, и каждый раз слышал один и тот же ответ.

— Никогда о ней не слышал.

Никто не знал, кто она такая. Никто из них не мог ее видеть.

Какая-то часть Азусагавы все еще надеялась вопреки всему. Ему хотелось верить, что он разговаривал с людьми, которые действительно никогда о ней не слышали. Но и эта слабая надежда вскоре угасла.

Когда они добрались до станции Фудзисава, Сакута воспользовался таксофоном, чтобы позвонить репортерше Фумике Нандзе. Он был рад, что сохранил ее визитную карточку в кармане.

— Да? — ответила Фумика профессиональным тоном.

— Это Сакута Азусагава.

— Ничего себе! — ее тон сразу преобразился, — Любовный звонок от тебя? Сегодня особенный день.

— Здесь нет никакой любви.

— Что же ты, не заинтересован в рискованных отношениях с женщиной постарше? А я ведь так люблю играть с огнем.

— Вы немного староваты для меня.

— Так чего же ты хочешь?

Похоже, она умела игнорировать абсолютно все, что было ей не выгодно.

— Речь идет о Май Сакурадзиме.

— С чего так внезапно?

«Ох», — подумал Сакута.

Это звучало многообещающе.

Но то, что она сказала дальше полностью лишило его каких-либо надежд.

— И кто же это такая?

— ...

— Алло?

— Вы никогда не слышали о Май Сакурадзиме?

Еще одна попытка.

— Никогда! Кто она такая?

— Тогда... эм, фотография?..

Фотография шрамов на его груди была частью их сделки. Снимок по-прежнему находился у нее. И она пообещала Май, что не будет публиковать его в обмен на эксклюзивные права на новость о возвращении Май к работе.

— Я же обещала не использовать его, верно? Я помню. Я сдержу свое слово.

— А кому вы обещали?

— Тебе, очевидно. Что происходит? Ты в порядке?

В ее голосе звучали тревога и любопытство. Сакута решил, что лучше не продолжать разговор. Не хотел, чтобы она что-нибудь подозревала.

— Я в порядке. Извиняюсь. Я просто начал волноваться из-за снимка... кажется напрасно.

— Верь мнееее!

— Извините, если я вам помешал. Спасибо.

Сакута повесил трубку, пока его голос был еще достаточно спокойным.

Положив телефон на рычаг, он еще долго держался за него.

Затем он медленно повернулся, встретился взглядом с Май и покачал головой.

Похоже, она не питала никаких надежд на обратное. Она только кивнула без каких-либо эмоций на лице.

— Спасибо за сегодняшний день, — сказала она, поворачиваясь, чтобы уйти.

Никаких колебаний. Никакой нерешительности. Она просто пошла по направлению к дому.

Та же уверенная походка, что и обычно.

Сакута смотрел ей вслед с болью в сердце.

Его захлестнула волна паники. Он боялся, что больше никогда ее не увидит.

Его тело двигалось само по себе.

— Май, подожди, — он побежал за ней и схватил ее за запястье. Девушка остановилась, но не обернулась. Она просто смотрела в пол перед собой, — Пошли отсюда.

— ... — Сакурадзима слегка приподняла голову, — Пойдем куда?

— Может быть еще остались люди, которые помнят тебя.

— Ты говоришь так, будто все, кроме тебя, позабыли меня, — сказала Май и натянуто усмехнулась.

— ...

Он не отрицал этого. Это было единственное объяснение. И Май думала о том же. Иначе она никогда бы так не сказала.

Но ему хотелось верить. Верить, что если они отправятся достаточно далеко отсюда, то все узнают ее, увидят, покажут пальцем и скажут: «Разве это не Май Сакурадзима?» Он хотел верить, что еще есть шанс.

— Давай удостоверимся.

— В чем смысл? Что, если мы узнаем, что ты единственный, кто меня помнит? Какая от этого польза?

— Ну, по крайней мере, я буду с тобой, пока мы не узнаем.

— ...!?

Она никак не могла не бояться. Такое попросту было невозможным. Страх, должно быть, давил на нее. Она едва осознавала, что с ней происходит, и совершенно не понимала, почему это происходит. Никто не мог сказать, что принесет ей завтрашний день, поэтому идти домой в одиночку, когда там тебя никто не ждет, было бы просто ужасно.

Он видел, как дрожат ее плечи. Этого было достаточно, чтобы все понять.

— ...Ты так самонадеян, — сказала она.

— Мы же на свидании.

— Знаешь, я ведь на год старше тебя.

— Прости.

— У меня болит рука. Отпусти.

Он понял, что довольно сильно сжимает ее запястье.

— Прости.

— Твое «прости» тут не поможет.

— Прости.

И с этими словами они оба замолчали.

Целая минута пролетела в тишине.

— ...Ладно, — наконец прошептала Май.

— Что?

— Раз уж ты так в меня вцепился и не хочешь отпускать домой, то я позволю тебе продолжить это свидание.

Май посмотрела вверх и с озорной улыбкой ущипнула нос Сакуты.

В какой-то момент она перестала дрожать.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/986600>